

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юлиан

КЛЮЧИ ОТ ВОЛГИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Михаил Васильевич Песков (1907-1978) — писатель, журналист, переводчик. Его произведения посвящены жизни и творчеству великих русских поэтов. Песков был близким другом и соратником многих выдающихся деятелей культуры. Его творчество — это глубокое исследование души человека в условиях сложной исторической ситуации.

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 12. Ключи от Волги**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 12. Ключи от Волги /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-888-4

В 12-м томе собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды»
В. Пескова вы вместе с Василием Михайловичем пройдете по российским
проселкам (именно так называется его новая рубрика) и побываете на
Северном полюсе вместе с легендарной лыжной экспедицией «Комсомольской
правды».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-888-4

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	8
1978	10
В лесах над Вяткой	10
Черно-белая магия	13
К человеку...	15
Что делать с волком?	18
Начало и продолжение	25
У Толстого Мыса	25
Старожилы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 12. Ключи от Волги

«Краеведение – это хождение по земле! Неторопливое, обстоятельное. И главная награда при этих неспешных и чаще всего недалеких передвижениях состоит не только в общественной полезности дела, главное – это радость подробного узнавания жизни, прирастание сердцем ко всему, что постепенно формирует у человека понятие: Отечество.»

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Среди самых любопытных командировок Василия Михайловича Пескова, несомненно, та, о которой вы найдете целую серию репортажей в этом томе: экспедиция «Комсомольской правды» на лыжах к Северному полюсу.

Нет, сам Василий Михайлович туда на лыжах не ходил, это был тяжелейший переход. И совершила его команда под началом Дмитрия Шнаро, теперь уже очень известного полярника.

Прежде чем вы прочтете его заметки об этом, стоит коротко рассказать о самой экспедиции. Она действительно суперуникальная. По сути, это был первый в истории человечества лыжный переход от берегов нашего континента до Северного полюса.

16 марта 1979 года семерка лыжников с рюкзаками за плечами выступила к полюсу с острова Генриетты (это в арктическом архипелаге Де-Лонга). Шли по дрейфующим льдам строго на север. Весь маршрут – 1500 километров по торосам и через трещины, разводья и полыньи во льду отделяли отважных путешественников от заветной цели. Сперва идти было тяжело из-за природы – температура нередко опускалась до минус 40. Потом за экспедицию взялась усталость. Ведь весь груз тащили на себе. Вам будет любопытно: стартовый вес рюкзаков достигал 50 килограммов.

Они не просто шли, но еще и выполняли научную программу. Изучали проблемы выживаемости человеческого организма в экстремальных условиях Арктики, проверяли тонкости психологической совместимости людей, ели экспериментальную высококалорийную сублимированную пищу.

Естественно, опыт у команды был. К переходу на полюс они готовились девять лет, ходили в маршруты по дрейфующим льдам пролива Лонга, прошли от острова Врангеля до дрейфующей станции «Северный полюс-23», искали в Арктике следы пропавших экспедиций русских исследователей Севера Владимира Русанова и Эдуарда Толля.

Василий Песков с еще одним спецкором «Комсомолки», Владимиром Снегиревым, двинулись следом за экспедицией по воздуху. Чтобы встретить ребят на полюсе.

Нет смысла сейчас рассказывать об этом подробно – вы все прочтете в репортажах Пескова.

Но все-таки стоит заметить деталь.

Время было советское, и потому помимо груза, который помогал ребятам выжить на этом беспримерном переходе, ребята несли на себе на полюс «флаг легендарных папанинцев – символ неразрывной связи поколений советских покорителей Арктики, верности молодежи славным традициям наших отцов». И непотопляемый, герметичный металлический красный шар-контейнер с надписью «СССР, высокоширотная полярная экспедиция «Комсомольской правды».

Конечно, такой шар нужен был, подобно тому, как нужны капсулы с записками об экспедициях, которые альпинисты оставляют на высочайших вершинах мира для подтверждения того, что они туда забрались.

Но эта капсула была не просто с запиской. Рассчитывая каждый грамм походного груза, участники перехода все-таки заложили в нее флаг СССР, горсть московской земли от стен Кремля, брошюру В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» (она, кстати, побывала до этого в космосе на борту орбитального комплекса «Салют-6»), серебряный рельефовый костыль БАМа (!), пучок колосьев с казахстанской целины, мастеров строителей ударных комсомольских отрядов, талисман Олимпиады-80 – фарфорового медвежонка, специальный выпуск газеты «Комсомольская правда» с рассказом об экспедиции, вым-

пелы ЦК ВЛКСМ и, наконец, как и положено – копии официальных протоколов о достижении Северного полюса, а также памятные записки на русском и английском языках.

Что делать! Такое было время. По всей стране комсомольцы закладывали в стены райкомов и горкомов ВЛКСМ капсулы с такими же примерно посланиями будущим поколениям...

Ребята шли 76 дней и 31 мая 1979 года дошли до полюса!

Вот их имена: начальник экспедиции, кандидат физико-математических наук, доцент Московского института стали и сплавов Дмитрий Шпаро. Научный руководитель маршрутной группы, кандидат физико-математических наук, сотрудник Центрального экономико-математического института Юрий Хмелевский. Завхоз экспедиции, кандидат технических наук, сотрудник Всесоюзного НИИ продуктов брожения Владимир Леденев. Радист Анатолий Мельников. Врач Вадим Рахманов. И рабочий московского Управления дорожного хозяйства и благоустройства Василий Шишкарёв.

Впрочем, читайте репортажи Пескова, Василий Михайлович рассказал о них очень интересно.

Так что идем в этот маршрут вместе с ребятами и Песковым.

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1978

В лесах над Вяткой Окно в природу

В этих краях на узких лыжах не ходят. Узкие лыжи – это лыжня: куда один, туда все. Тут ходят на лыжах коротких и в две ладони широких. Таким лыжам торная колея не нужна. Иди куда хочешь. Любое место на этих лыжах доступно.

Февральский снег капустой скрипит под лыжей. Лес, лес – буреломы, завалы. Но вот полянка, наискосок прошитая строчкой лисьего следа. Вот норки в снегу – у края поляны ночевали тетерева. Глубокий лосиный брод в ивняках у болотца. Заячьи петли рядом с лосиным бродом. И вдруг – следы, у которых идущая рядом собака жметя к ноге. Прошли волки...

Вятские земли не густо заселены. Тут осталось много пространства и для животных. Тут человек, как и встарь, снимает в лесу урожай, дарованный дикой природой. И потому едва ли не в каждом из деревенских домов видишь широкие лыжи. К охоте тут приобщаются с детства и расстаются с ружьем у самого края жизни. И охота, кажется, продлевает тут человеку жизнь. Глядишь, совсем старикашка, а сделал за день на лыжах километров под тридцать. И не с пустыми руками движется к дому – добыл зайчишек, косача и тетерку.

Разговор об охоте, начатый в лесу, кончается в доме у старика за чаем. И чувствуешь: нет ничего дороже для человека, чем вспомнить удачи лесных хождений.

Вспоминает охотник, как «офлачивал» (окладывал флажками) волков, как тропил зайцев, подманивал рябчиков, как добывал куницу и выдру, караулил на овсяных полях медведей. В речи, неторопливой и обстоятельной, множество местных вятских словечек и охотничьих тонкостей, с полуслова, впрочем, понимаемых за столом. На языке этом заяц не бежит, а летит, а утки весной над Вяткой не летят, а идут, тетерева из лунок в снегу не взлетают – взрываются, молодого лосенка зовут сеголетком, а волчат того же возраста – прибылыми. И так далее. Что же касается местных вятских словечек, то вот образец.

Когда зашел разговор о лосях, старик примолкнул, послушал охотников помоложе. А потом сказал такое суждение:

– Лось – она хламина нотная, она, мотри, паря, тово...

Только чутьем можно понять мудреную простоту слов. В приблизительном переводе с вятского это вот что: «Лось, скажу тебе, зверь непростой, от него, смотри, парень, можно ждать всякого...»

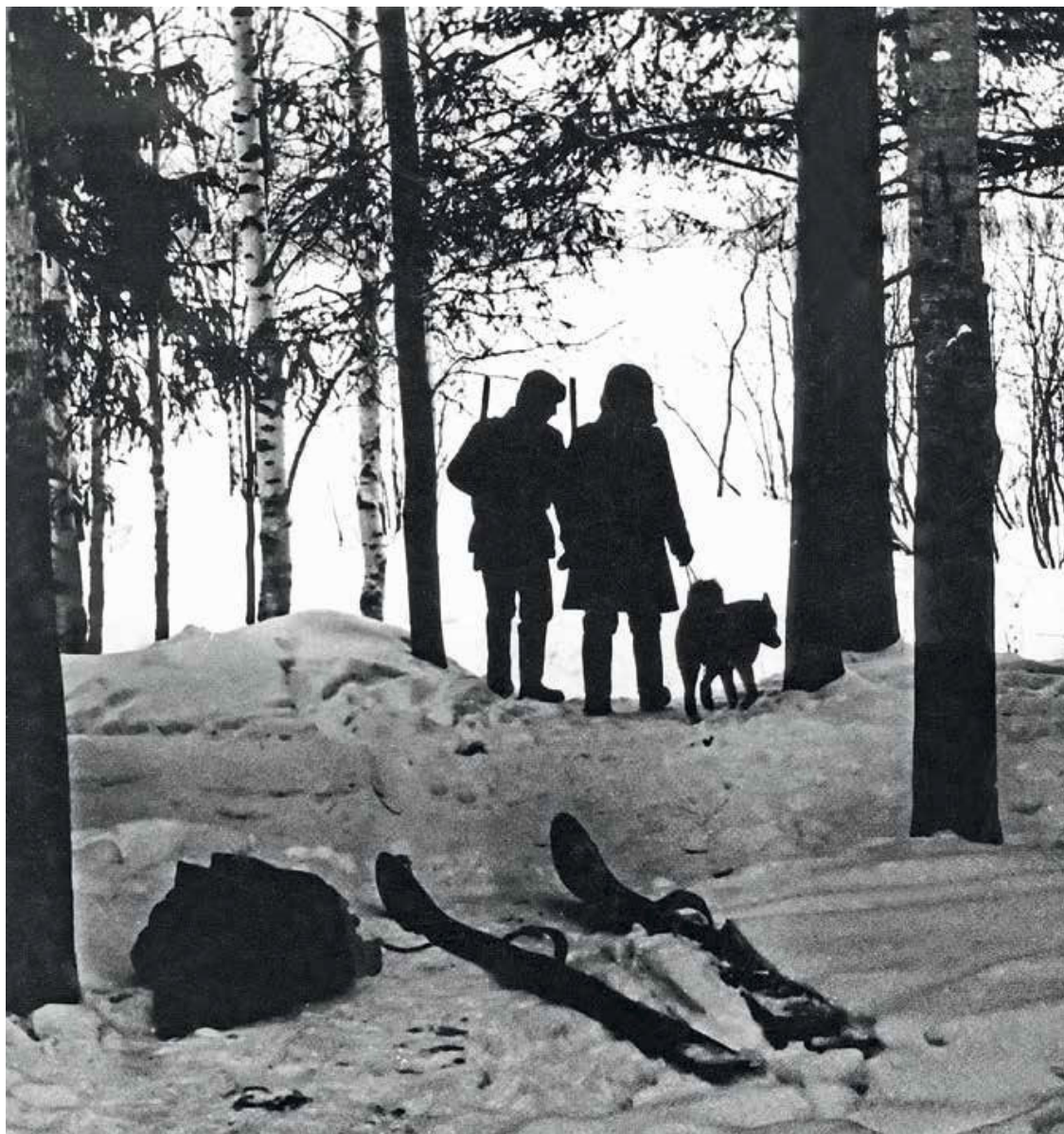
На лося старик не ходит уже давно, а вот зайчишек, уток, тетеревов он еще промышляет.

– Пока ходится, надо ходить, – сказал он, прощаясь.

В холодных просторных сених старик веником смахнул с полинявшей широкой лыжи снежок.

– Пока ходится, надо ходить, – повторил он уже на пороге.

Уже в сумерках шли мы в лесную избу к ночлегу. Убегала вперед и ворочалась резвая остроухая лайка. А мы не спешили, неторопливо шли, смакуя на перекурах аппетитное вятское словотканье: «Лось – она хламина нотная, она, мотри, паря, тово...»

Фото автора. 16 февраля 1978 г.

Черно-белая магия

Легче всего снимать пейзажи, говорят люди, впервые взявшие фотокамеру. «Из всех фотографических жанров труднейший – пейзаж», – говорит Ансел Адамс, американский фотограф-художник, снимающий уже шестьдесят лет. В этой противоположности – суть примечательного явления: фотография общедоступна, но лишь в руках человека-художника, человека, мыслящего образами, она становится искусством.

Ансел Адамс – фотограф высшего класса. Слава его давно перешагнула границы Соединенных Штатов. Мы знали его работы. А этой зимой москвичи получили возможность увидеть их в подлинниках.

Выставка Адамса (восемьдесят четыре черно-белые фотографии) путешествует по миру уже третий год. В Москву она отправлена из Варшавы, а через пять дней будет послана в Анкару. Можно не сомневаться, что этот путь всюду отмечен успехом, ибо творчество Адамса интернационально, понятно и близко каждому человеку.

Главный объект фотографа-ветерана – природа: доступные взгляду каждого горы, деревья, лес, облака, роса на травах, ручьи и камни, обнаженные корни деревьев, тихие воды. Все это, снятое заурядно, остается обычно в домашнем альбоме фотографов. Но Адамс («снимает не объектив, снимает – сердце») так зорек, так строг и разборчив в изобразительных средствах и так умел в выборе момента съемки, что его фотографические образы поднимаются до высот философских.

Он неизменно пользуется черно-белым изображением («все чудеса мира размещены между почти белым и почти черным тонами»). На автопортрете мы видим его с громоздким треножником и большой камерой. Это отнюдь не чудачество. Только неопытный человек полагает, что дело решается нажатием кнопки на фотокамере. На самом деле обработка пленки и перевод изображения на бумагу – едва ли не половина успеха. Для Адамса таинства, совершенные при свете красного фонаря, венчают все, что добыто при солнце. Больших размеров черно-белые негативы дают художнику много возможностей повлиять на конечные результаты.

Техника его виртуозна. И один из уроков выставки для всех, кто ее посетил, – ощущение безграничных возможностей фотографии. Другой урок: за каждым снимком – величайший труд и терпение, строгая требовательность к себе, без которых даже большой талант остается у подножья горы.

Еще одно ощущение – необычайная актуальность всего, что Адамс показывает. Многие снимки сделаны тридцать и сорок лет назад, но как они созвучны всему, что нас волнует сегодня! Главная причина этому – сам объект, к которому обращены и объектив, и сердце Адамса, – Природа. Мы чувствуем волнение, испытанное художником, от красоты и величия им увиденного. И это волнение передается нам, находит отклик в нашей душе. Искусство это времени не подвластно. С каждым годом нам все дороже будет зелень лесов, молчанье пустынь, плеск чистой воды и сияние неба. И благодарность людям, этот мир для нас открывающим, будет лишь возрастать.

Ансел Адамс. Секвойи.

Не постарели снимки Адамса еще и потому, что он избежал влияния всяческих мод, которым за долгую его жизнь фотография подвергалась. Строгая простота снимков, предельная четкость, вера в магию черно-белых тонов – таковы принципы Адамса. Он не поступился ими ни разу и достиг вершины в искусстве, именуемой классикой.

Все награды и звания, полученные художником, перечислить нет никакой возможности. Он почетный доктор искусствоведения нескольких университетов, автор многочисленных книг и многотомного руководства по фотографии. Но он признается: «Дороже всего для меня – простой человеческий отклик».

В Москву из Калифорнии Ансел Адамс приехать не мог, но на открытии выставки мы слышали его голос с магнитной пленки. «Для меня это большая честь, что мои работы увидят в Москве».

Завтра у Ансела Адамса день рождения. Ему исполняется семьдесят шесть. Это возраст, в котором и солнце, и человеческое тепло особенно дороги. И мы рады послать ему привет из Москвы, привет и Спасибо! от всех, кто видел его жизнеутверждающее искусство.

Фото из архива В. Пескова. 19 февраля 1978 г.

К человеку... Окно в природу

В природе у человека есть спутники. Посмотрите в окно. Корку хлеба на снегу делят шумные воробьи. И лето, и зиму они кормятся возле людей, вся их жизнь приспособлена к этому соседству. Синица возле окна – гостья из леса. Летом ее не увидишь, а зимой – тут как тут, у нашего дома. То же самое и сороки. Летом в деревне их видишь редко, зимой же они скачут по крышам, по изгородям. Зоркие, осторожные, вороватые. Покормились, а на ночь – в лес, в густые теплые ельники. Возле людей держатся голуби и вороны. Рядом с людьми живут ласточки, аисты и скворцы. Спутником человека можно считать и волка. В глухой тайге волка не встретишь, он держится поблизости от селений – тут прокормиться легче.

Любопытно, что волки, сороки, вороны, воробьи, крысы, постоянно соприкасаясь с людьми, как бы «умнеют», иначе говоря, знают, что можно от нас ожидать за свою вороватость, и всегда начеку. «Старого воробья на мякине не проведешь», – говорится в пословице. Сорока – не редкая птица, но вот уже много лет я безуспешно пытаюсь сделать хороший снимок этой красавицы, не подпускающей «на выстрел».

Животные, никогда не видевшие человека, совершенно его не боятся. В Антарктиде к пингвинам подходишь вплотную, и можно птицу даже погладить. Так же ведет себя наша сибирская птица дикуша. Самый крупный из хищников – белый медведь не чувствует страха перед людьми. Зато олени, кабаны, лоси, бурый медведь, зайцы, лисицы, многие птицы, услышав наши шаги, уловив запах, немедленно спасаются бегством. Это результат векового преследования. Страх этот рождается не только опытом, но и наследуется. Однако он быстро слабеет, как только животные чувствуют безопасность и особенно покровительство. Слоны в Африке когда-то совсем не боялись людей. Потом они стали бояться людей панически. Теперь в заповедниках слонов наблюдают с расстояния в тридцать метров, и они спокойно пасутся. Лоси вблизи больших городов быстро привыкли к людям. Увидеть лося там, где он часто встречается людей, куда проще, чем в дикой тайге, где человека животные видят лишь в роли охотника.

Меру опасности все животные чувствуют очень тонко. И очень часто, не теряя страха перед человеком, они именно к нему устремляются в мгновения крайней опасности.

Два года назад, путешествуя по реке Воронеж, мы наблюдали характерную сцену. Сокол чеглок высоко в небе атаковал ласточку. Спасаясь, она комом шмыгнула в кустик, у которого мы стояли, хотя таких кустиков было на берегу много. В. Сорокин сообщает из Горьковской области: «Жаворонок, спасаясь от ястреба, упал ко мне прямо на грудь. Я накрыл птицу ладонью. Оторвать ее от тела, не повредив коготков, было трудно». Охотники рассказывают, как, спасаясь от ястреба, тетерева, случается, падают и замирают прямо у ног человека. И немедленно улетают, как только главная опасность минует. И таких случаев много. В. Кривоногов из Новоалексеевки Алма-Атинской области пишет, как в кабину грузового автомобиля влетел фазан. «Я резко притормозил, испугавшись и не зная, в чем дело. И в этот момент над капотом мелькнула тень ястреба».

Во время войны к нам в сени, помню, заскочил заяц. Услышав, как загремели ведра, я выскочил и увидел возле крыльца лисицу, за которой уже устремились собаки. О похожем случае рассказал мне отец. Он вез сено и сверху, с воза, видит, как полем лисица гонит ослабшего русака. Заяц почему-то хромал, и быть бы ему на зубах у лисицы, но сообразил заяц нырнуть под сани. И это его спасло.

А вот поразительный случай, который я записал неделю назад со слов егеря Юрия Константиновича Баранова (охотничье хозяйство Максатиха Калининской области).

«21 декабря я делал обход. В невысоком кустарнике сбоку большой поляны что-то мелькнуло. Лось! Идет почему-то согнувшись. Явно меня заметил, но, странно, сделав петлю в кустах, он повернул и через поляну направился прямо ко мне. Тут я заметил: лось-то в беде. На шее у зверя висел, волочился по снегу волк. Второй волк вцепился лосю в правую заднюю ногу и тоже тащился по снегу. В азарте охоты волки меня, как видно, не видели, лось же шел напрямиком, наклонив голову, безуспешно пытаясь стряхнуть смертельную ношу. Он явно видел во мне спасителя. Я успел достать патроны с картечью и шагов с пятнадцати выстрелил. Висевший на шее волк кувыркнулся в снегу, но побежал. Я еще выстрелил. С удивлением увидел: оба волка лежат. Висевший на шее первым выстрелом был только ранен, а второго картечь, пролетев у лося между ногами, свалила сразу».

На лыжах я сбежал на кордон за товарищем. Следы рассказали нам все, как было. Лось почти километр тащил за себе волков. Три раза падал, пытаясь, возможно, подмять мучителей под себя, но волки не отпускали... Лось пострадал, однако, несильно. Потоптавшись на глазах у меня по поляне, он, оставляя капельки крови, побрел в сосняки. Из любопытства мы следили за этим лосем несколько дней. Выжил!»

Такая история. Любопытно, что все это случилось в охотничьих угодьях, где лосю одинаково опасны и волки, и человек. Однако принцип – из двух опасностей предпочтительней наименьшая – сохранил лосю жизнь. Этот принцип лежит в основе поведения всех животных, о которых шла речь. Волки, для которых человек всегда опасность номер один, оценив обста-

новку, тоже спешат иногда под спасительный зонтик человеческого могущества. Вот случай, рассказанный В. Вохмятиным.

«Ловили рыбу на озере... Степан тронул меня рукой.

– Смотри...

По зеленой траве скользила черная тень. Быстро снижаясь, над долиной летел беркут. И сразу же мы увидели волка. Он бежал тяжелым галопом, стараясь достичь спасительного ивняка. Выскочил волк прямо к прогалу, где мы стояли. Он явно понимал, что это лучшее место спастись от орла, и стал боком, не спуская с нас взгляда, подходить ближе. Он трусил, взвешивая, с какой стороны опасность была наибольшей. Но видя в руках у нас только удочки, приблизился почти вплотную. Беркут полетел прочь. А волк стоял рядом с нами, похожий на затравленную, смертельно уставшую собаку. Поводив глазами по небу, волк неслышно шмыгнул в ивняки».

Покровительства слабых не ищут. Только к сильному при смертельной опасности льнет все живое. Человек в этом мире – наивысшая сила, не лишенная благородства. И это тонко чувствуют все, настигнутые бедой.

Фото автора. 26 февраля 1978 г.

Что делать с волком? Окно в природу

Что делать с волком? У почтальона деревни Овчинниково Кировской области Михаила Васильевича Крюкова ответ на этот вопрос однозначен: «Ноги слабы, иначе я бы ему показал...»

В конце января, проезжая по маленькой деревеньке, мы увидели резвую пегую лайку, скакавшую возле дома на трех ногах.

– Жива-здорова, волчий огрызок, – сказал шофер, притормаживая. Мы дождались хозяина, и он рассказал: «Глядел телевизор. Слышу, кто-то стукнулся в дверь и сразу – собачий визг. Выбегаю... Волга моя на пороге в зубах у волка! Я тяну в одну сторону, волк – в другую. Вырвал. Однако теперь вот трехлапа и пуглива до смерти».

Мы сделали снимок хозяина и собаки на том самом пороге, где лайку догнал молодой, как видно, еще неопытный волк. Другим собакам повезло меньше. В беседе выяснилось: за минувшую осень и зиму волки в Кировской области прикончили три десятка породистых гончих собак, и никто не считал, сколько украдено лаек и всяких дворняжек прямо у сельских домов. «И собаки – лишь малая часть той дани, какую волки сейчас собирают», – говорит Михаил Павлович Павлов, ученый, хорошо знающий «волчью проблему». Между прочим, за неделю пребывания в Кировской области я был свидетелем дерзких набегов волков и уже не в деревню. В городской черте убили волчицу – «мастера» по собакам, а в двадцати километрах от Кирова обложили стаю матерых волков-лосятников. «Волков много. Волки стали до крайности дерзкие. Такое я наблюдал лишь после войны, когда численность зверя была рекордной», – говорит Павлов.

В природе у волка врагов нет, численность зверя полностью зависит от интенсивности его истребления людьми. В друзьях человека он не числился никогда, волка всегда «держали на мушке». На западе густонаселенной Европы зверя полностью истребили. На наших пространствах это сделать не удавалось да и вряд ли возможно при поразительной жизнеспособности зверя. Как только волки становились «иголкой в стоге сена», преследование этих остатков оказывалось делом безмерно трудным, давление естественным образом ослабевало. И четырех-пяти лет было достаточно, чтобы волки вновь о себе заявили. Эти «качели», возможно, являются лучшей формой сложившихся отношений с хищником: ему оставлялось место под солнцем и в то же время его держали в хорошей узде.

Однако бывали полосы в жизни, когда по разным причинам численность зверя возрастала стремительно. Главным образом это случалось в годы, когда «было не до волков». На памяти нынешних поколений это – время Гражданской войны и годы войны Отечественной.

Я хорошо помню: встреча с волком в наших воронежских краях была делом нередким. Волки, как пишут зоологи, встречались в двадцати километрах от Москвы. И если перед войной в Московской области волков не было, то в один только послевоенный 1956 год их уничтожено 265. Картину эту надо считать характерной для всех районов страны. В скотоводческих, степной и лесостепной, зонах численность волка была особенно велика (в Тамбовской – 1500, в Саратовской – 5000 волков). Ущерб хозяйству от набега зверей был колоссальный. Стали наблюдаться и случаи нападения на людей. В Кировской области зарегистрирован (документально!) двадцать один случай таких нападений. Любопытно, что покушались волки главным образом на детей и не в голодное зимнее время, а летом, когда подрастающее в логовах потомство требовало еды.

Меры, принятые против волков, хорошо известны. Облавы, капканы, яды, отстрел с самолетов постепенно низвели волка до тех самых «иголок в сене», когда истребление хищников стало дороже приносимого им ущерба. Эта точка «качелей» приходится на 60-е годы. Однако

волк приспособлялся к новым условиям, и формы приспособления были поразительно интересны. Человек изощренным гонением как бы учил волков жить. Неприспособленный погибал, а умный, выносливый выживал и умело избегал всех опасностей. В те годы я завел папку с надписью «Волк» и стал собирать свидетельства «из первых рук» обо всем, что касалось гонимого зверя. Сейчас число этих папок выросло до двенадцати, и в последние два-три года они пополняются непрерывно. Газетные вырезки, письма читателей «Комсомолки», статьи и записки ученых, статистика. Анализ всей информации позволяет говорить о резкой вспышке численности волка, об изменении характера его поведения вследствие этого и о причинах, все это вызвавших.

Почтальон деревни Овчинниково Михаил Васильевич Крюков.

Ученые В. Осмоловская и С. Приклонский, располагающие наиболее достоверными данными о численности зверя, пишут, что его терпимое поголовье в 60-е годы по Российской Республике не превышало двух с половиной тысяч. Сейчас они называют двенадцать тысяч – численность зверя за последние годы выросла в 4–5 раз. Однако волки не покрывают равномерно всю огромную территорию. Волки – спутники человека, и в отдельных «волчьих углах» число

их выросло в восемь и десять раз. Похожая картина на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Особенно много волков сейчас в Казахстане (по некоторым данным, до 30 тысяч). Простая арифметика заставляет ждать дальнейшего (и скорого!) роста числа волков (прогнозируется послевоенная численность). И, ясное дело, «регулятор» придется включать неизбежно – уже сейчас дань волку никак невозможно считать терпимой. В Пермской области, например, по данным охотоведа Виталия Нечаева, «за 1976 год тысяча волков уничтожила не менее двух тысяч лосей и 633 головы овец и коз... Убыток только животноводству за год исчисляется суммой 98 814 рублей». Сходные данные поступают из многих других областей. По официальному документу из Якутской АССР, ущерб оленеводству и коневодству за год составляет без малого два миллиона рублей. Это и есть то самое, что породило давнюю поговорку: «Не за то бьют, что сер, а за то, что овцу съел». И хотя понимаешь, на «серого» могут кое-что списывать волки двуногие, все же следует помнить: сеном волки никогда не питались.

Что касается волчьих повадок, то они остаются классическими. И первая из них – убивать столько, сколько можно убить. (В совхозе «Мокшинский» Кировской области в прошлом году после набега волков на ферме недосчитались полторы сотни овец. Одних хищники задавили в загоне, других, разбежавшихся по лесу, рвали поодиночке.) Во время лесной охоты волков наблюдаются все приемы стайного мастерства – загон, засада. И опять же, если есть возможность кого-то настичь, настигают, хотя предыдущая жертва не успела еще остыть. Все это в характере волка. Стоит, пожалуй, отметить особенности поведения, порожденные возрастающей численностью зверей. Волки, как все отмечают, стали в последние годы необычайно дерзкими, даже наглými. (Забежать в деревню и тащить из рук человека собаку – характерный пример.)

Изменилось отношение волка к собакам. В годы небольшой численности собаки признавались волками за родственников – смешанный брак был делом нередким, и в лесах одно время появились полуволки-полусобаки. Теперь к собакам исконное отношение: за собаками волки охотятся, нередко предпочитая их любой другой жертве.

Интересующий многих вопрос: есть ли случаи нападения на людей? Есть. Как правило, это связано с бешенством (в белорусской деревне Закорье матерый волк ворвался в дом крестьянки Татьяны Яковлевой и рвал подушки, половики, валенки – хозяйка спаслась, захлопнув двери на кухню), но есть сигналы о нападении на людей, преграждавших волку дорогу к добыче. Особо надо отметить единичные факты, когда волки в азарте стайной охоты избирали жертвою человека. Это свидетельство возросшей самоуверенности зверей. Она всегда появляется, если волка мало преследуют.

* * *

В чем причина неожиданно резкого повышения числа волков? В первую очередь искать ее надо в природных взаимосвязях. За последние годы наблюдается вспышка (зоологи говорят «взрыв») численности копытных животных: лосей, кабанов, оленей, косуль. Лоси размножились благодаря охранным мерам, но главным образом из-за роста кормовой базы (на месте вырубленных лесов поднялась молодая, наиболее продуктивная для лосей поросль). Оленей, кабанов и косуль не просто оберегали, но расселяли по многим лесным районам, нередко искусственно поддерживая их существование. В результате образовалось обилие пищи для волка. А в механизме природы пища – решающий фактор. (В логовах волков в последние годы наблюдалось рекордное число щенков – 10–12. И при обилии корма шансы на их выживание сильно повысились.)

Хорошим подспорьем волку служила и бесхозяйственность. Не убранный вовремя, под снегом оставленный урожай кормил кабанов. Кабаны же (главным образом молодые) шли на

стол волку. Помогала волкам и беспечность животноводов. Падших животных не трудились закапывать или сжигать, обеспечивая волкам даровую подкормку.

Это одна сторона дела. Вторая, не менее важная, состоит в том, что волка последние годы мало кто беспокоил. «Загнав хищника в угол в 60-х годах, мы как бы разоружились», – пишет один охотник. Это действительно так. Трудная, требующая выносливости и смекалки, всегда почитавшаяся доблестью охота на волка в последние годы пришла в упадок. Состарились и позабыты егери-волчатники, «профессора», без которых волчьи облавы – лишь трата времени. Распались бригады специалистов – охотников за волками. Дилетантов же волки чаще всего оставляют в дураках, надолго отбивая охоту соревноваться с умным и очень выносливым зверем. Вся страсть охоты в последние годы сосредоточилась на лосе и кабане. Сравнительно легко добытое мясо почитается ныне важнее премии за убитого волка. «Стыдно признаться, – пишет все тот же старый охотник, – но в охотах на лося с загонем случайного волка, бывает, даже и не стреляют – не хотят отпугнуть лося».

Откровенно надо сказать и об общественной атмосфере, сложившейся в эти годы вокруг «волчьей проблемы». Истоки ее лежат в естественном интересе к животному, всегда игравшему в дикой природе роль «щуки, не дающей дремать карасю», к животному, которое в это же время было спутником человека и умело его обкрадывало, к животному умному, дерзкому, сильному. Наивысшая точка «качелей» (охотник – волк) совпала с волной природоохранительных мер, и волк неожиданно сделался символом наших забот. Как всякий гонимый, волк у многих рождает сочувствие. Главный очаг «покровительства волку» оказался в Западной Европе и главным образом в США. Там возникла вполне понятная ностальгия по зверю (в Америке к 1972 году оставалось три сотни волков). Опасность утратить волка как вид животного мира заставила зоологов серьезно заняться изучением зверя и принять меры к его сохранению. Несколько превосходных исследований, проведенных в США и Канаде, открыли много закономерностей в жизни волков, их роли в природе. Но, как это часто бывает, большая волна интереса несет и пену сенсаций. При нынешнем движении информации мы получили и то и другое. И некоторые выводы и суждения, думаю, некритически перенесли на наши условия.

У городской интеллигенции наибольший сердечный отклик вызвала повесть-исследование канадца Моуэта «Не кричи: «Волки!». Книга эта, превосходная в литературном отношении, небезупречна в биологическом. Автор идеализирует волка. К тому же безоговорочная роль санитара ему отведена в условиях дикой природы севера Канады, где не существует хозяйственного оленеводства. Но все эти тонкости прошли мимо широкой публики. Остался в памяти лишь благородный и ласковый «зверь-санитар» и бездушные канадские чиновники, имеющие на него зуб. Городскому читателю, у которого волки ягнят и телок не режут и который искренне озабочен обеднением природы, очень хотелось видеть волка таким, как он описан в полюбившейся книжке. Так возникла известная идеализация животного с предельно доступным для понимания всех ярлыком: «зверь-санитар». Способствовал этому и наш брат журналист. По течению плыли и многие из ученых. Плыли потому, что не было якоря научно обоснованного отношения к волку в наших условиях. Затянувшийся спор – считать этого зверя «санитаром» или «пиратом»? – не был квалифицированным. И точку в нем, как видим теперь, ставят жизненные реальности.

Что же стоит за понятием «санитар»? Верно ли оно по сути своей? Верно, но со множеством оговорок. Как и всякий другой хищник, волк, конечно, поддерживает в нужной форме обитателей дикой природы, выбирая в первую очередь ослабевших. Но не следует понимать эту роль примитивно. Волк вовсе не размышляет таким вот образом: «Тот заплошал, возьму-ка его во имя здоровья всех остальных». Волки берут все, что способны догнать и свалить. А способности у них большие. Что же касается ослабевших, то среди них оказываются и беременные самки, и молодняк. И тут уже возникают претензии к «санитарам», особенно если число их немалое.

Еще обстоятельство. Роль селекции хищников безупречна и естественна в дикой природе, куда человек не вмешался никаким образом. Там, по закону обратной связи, и волки сыты, и лоси целы. Модель такой территории существует в Америке на острове Айл-Ройал (800 лосей и 30 волков; численность тех и других на изолированной территории не меняется). В некоторых наших заповедниках (далеко не во всех!) волк может быть терпимым и даже желательным селекционером. Но опять же в каком количестве? В Окском заповеднике (Мещера), пока жила только пара волков, все было как нельзя хорошо. Но у пары появилось потомство, а у потомства – еще потомство. И вот уже директор заповедника, грамотный, широко мыслящий зоолог Святослав Приклонский ищет способ срочного сокращения «санитаров».

Волчьи повадки остаются классическими – убить столько, сколько можно.

И возьмем теперь обширные территории, затронутые той или иной формой хозяйственной деятельности. (Выпуск животных в лесах и подкормка их в трудную пору – это тоже хозяйственная деятельность.) Тут санитарная служба волка справедливо ставится под сомнение. Животные, существующие при поддержке человека, с трудом переживающие невзгоды зимы, перед волком все подряд беззащитны. И всякое обогащение фауны в этом случае – не более чем поставка живности волку. Вряд ли разумно отдавать зверю и нынешний излишек лосей. Это было бы равносильно кормлению его с нашего не так уж богатого мясом стола.

И наконец, главная арена постоянной вражды волка и человека – животноводство. Тут ни о какой санитарной роли хищника говорить не приходится. Тут он просто разбойник, мировая с которым невозможна и не нужна.

Итоги. Численность волка необходимо и неизбежно надо сокращать. И к этому следует относиться спокойно. Любая чрезмерность нехороша. Нехороши полчища голубей, расплодив-

шихся в городах, вредит лесу избыток лосей. За волками же нужен особый контроль. Большое число волков – это пожар, тушить который предписано лишь человеку.

* * *

Существенным является вопрос: какими средствами регулировать численность зверя? Некоторые считают: на пожаре все средства надо считать хорошими. Думается, однако, тут надо как следует оглядеться. Неразумным, разрушительным с точки зрения охраны природы и просто опасным явилось бы широкое обращение к ядам. Жертвой в этом случае неизбежно стали бы кабаны и лисицы, наравне с волками поедающие падаль, под удар поставлены будут и без того редкие в средних широтах вороны, а в Казахстане могут исчезнуть остатки крупных птиц-хищников, помеченных в Красной книге. К тому же следует помнить: яды – средство ограниченно эффективное. Волки довольно скоро начинают обходить отравленный корм, и яд превращается лишь в административную видимость борьбы со зверем.

В степных, безлесных районах придется, видимо, вспомнить об авиации. Этот сугубо истребительный метод не очень дешев, стрельба с самолета многим из нас неприятна, но иного средства для животноводческого Казахстана, например, не существует.

Что же касается лесостепных и лесных районов России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, то единственно верным средством тут надо считать традиционную, ныне сильно запущенную охоту на волка. Эту охоту надо всячески возрождать. Она хороша во всех отношениях: дает человеку яркие сильные переживания, дает радость познания тайн и законов природы, воспитывает мужество и выносливость, она эффективна, и вместе с тем это далеко не простое состязание с умным и сильным зверем – у волка всегда остаются шансы спастись. Человек при этом способе регулирования численности сам невольно становится селекционером волков – выживают самые опытные, самые сообразительные звери, не дающие при меняющихся условиях угаснуть волчьему роду.

Охота на волка сложна и трудна. Для нее «субботы и воскресенья», достаточных, скажем, для охоты на лося и кабана, мало. Неделю, а то и две меряют люди снег, распутывая волчьи ходы и выходы, переходы и перебежки (за ночь волки одолевают 40–60 километров), и очень часто весь труд напрасен. (Павлов: «Из десяти выездов на волков примерно лишь два бывают успешными»). А вот данные со множеством любопытных цифровых выкладок. В прошлом году 10 егерей Вяземского охотничьего хозяйства Смоленской области за месяц ежедневной охоты в марте добыли двух волков. В том же хозяйстве и в это же время два волка убили: лося, двух оленей-самцов, семь оленух и трех молодых кабанят.)

Таков противник. Воевать с ним надо умеючи. И неперменной фигурой на всех облавах всегда был «Командующий» – волчатник, до тонкости знающий поведение зверя, страстный охотник и отменный знаток природы. Охота готовилась кропотливо: с выслеживанием и приваживанием волков, с соблюдением дисциплины и строгих правил. Теперь этой фигуры в охотничьих хозяйствах нет. И именно с нее надо возрождать охоту на волка.

Необычный труд волчатника-егеря одною лишь страстью к охоте питаться не может. Егерь-волчатник всегда хорошо поощрялся. Поощрялись и все охотники. Государство платило премию за каждого из добытых волков, крестьяне же давали призы натурой – поросенка или овцу, выделяли волчатникам транспорт и всегда их встречали как желанных людей. Эти здоровые, нормальные отношения к охотнику за волками следует возродить.

Премии за добытых волков государство сейчас продолжает платить, но общее мнение таково, что нынешние ее размеры не срабатывают нужным образом. Разумным будет премию увеличить. Плату за шкуру волка тоже надо ввести в справедливые рамки. Сегодня охотнику платят лишь 3 рубля. Это борьбе с волками вряд ли способствует. Разумнее платить не 3, а 30 рублей, поощряя тем самым охоту и не давая расти подпольному рынку пушнины. Возможно,

стоит, как было после войны, снабжать охотников за сданные шкуры волков товарами, каких не всегда найдешь в магазине. Волчатникам в первую очередь следует выделять лицензии для охоты на лося, предоставлять хотя бы недельные отпуска для охоты. Есть и еще детали этой проблемы, обстоятельный разговор о которых уместен в изданиях специальных. Тут же следует подчеркнуть: организация охоты на волка – дело государственной важности. И медлить с нею не стоит, ибо время пока что работает на волков.

Важно не упустить еще одно обстоятельство. Довольно распространенная точка зрения: «волков не надо изучать, волков надо истреблять» – в корне неверная. Работа по регулированию численности волка должна идти непременно с участием науки. А зоологам, нередко снаряжающим экспедиции в дальние страны, следует помнить: объект природы, изучать который насущно необходимо, находится рядом. И надо его изучать.

И в окончании этой беседы – сердечная благодарность всем, кто нам написал, чьи письма лежат в основе этого размышления. На эту помощь читателей мы надеемся и в будущем – папка для писем с надписью «Волк» остается открытой.

Фото автора. 10 марта 1978 г.

Начало и продолжение

У Толстого Мыса

Семнадцать лет назад, зимой 1961 года, я впервые увидел эти места. В памяти все сохранилось черно-белым контрастным снимком: темная кисея леса, черный бревенчатый лик деревеньки с названием Невон, черные лодки на берегу, лошадь у самолета. Все остальное сверкало: снежная лента реки, белый столбами дым над деревней, бахрома инея над бровями.

– Нос белый! Три варежкой!

Я тер его так, что кожа сошла. Мороз в этот день подобрался к отметке 52. На пути к Толстому Мысу я соскочил с саней и с трудом на бегу выгнал мороз из унтов и длиннополого, с чужого плеча, полушубка.

– Вот тут и будет стоять... – сказал провожавший меня гидролог, укрывая обрывком мешка индевшую лошадь.

Я закрыл глаза, пытаюсь представить плотину над спящей белой рекой. И не мог.

Между тем первые символы стройки тогда уже обозначились. Неделей ранее в Невон из Забайкалья прилетели трое друзей-комсомольцев (в блокноте сохранились их имена: Василий Нарожный, Александр Зуев, Михаил Стовбер).

– В газете прочли: «Усть-Илимская ГЭС», и сразу сюда...

Судьба трех парней неизвестна. Возможно, они улетели из Невона, не дождавшись начала работ. Но для меня эти трое ребят, стоящих над белой рекой, и есть начало всего, чем потеплели сегодня ангарские берега.

Первые строители.

Семнадцать лет – немалое время. Однако на часах деревеньки, проспавшей у Толстого Мыса без малого три столетия, это было всего лишь мгновение. Деревенька за это время не

изменилась и была для памяти некоей точкой опоры: «Тут проходила дорога, в эту сторону – Мыс, там дальше «Лосята» – два острова Ангары...»

– Вспоминайте, вспоминайте, – улыбался молодой летчик. – И запоминайте: тут все меняется на глазах.

Все изменилось неузнаваемо! Под вертолетом проплывал молодой город: дороги, массивы многоэтажных строений, «Жигули» у домов, как в Москве, – под брезентом, ребятишки у школы по лужам гоняют мяч, молодые мамы с колясками, орудовец «стружку снимает» с водителя самосвала...

– Семьдесят тысяч жителей! – кричит мне в ухо механик, наблюдающий, чтобы в азарте съемок фотограф не выпал в открытую дверь вертолета.

Город – справа и слева по Ангаре. Тайга уступила ему пространство. Но сверху видно: это всего лишь большой обитаемый остров в океане лесов – 250 километров до Братска, 850 – до Иркутска.

– Плотина... – показал глазами механик на темный брус, лежавший поперек Ангары.

Я помню волшебный момент, знакомый любому фотографу: на белом листе бумаги, опущенном в жидкость, вдруг возникает изображение – лица, деревья, дома... В моей памяти Ангара была белым листом, и вот теперь из сизой весенней дымки фотографическим чудом выплывала мускулистая плоть строения, обуздавшего Ангару.

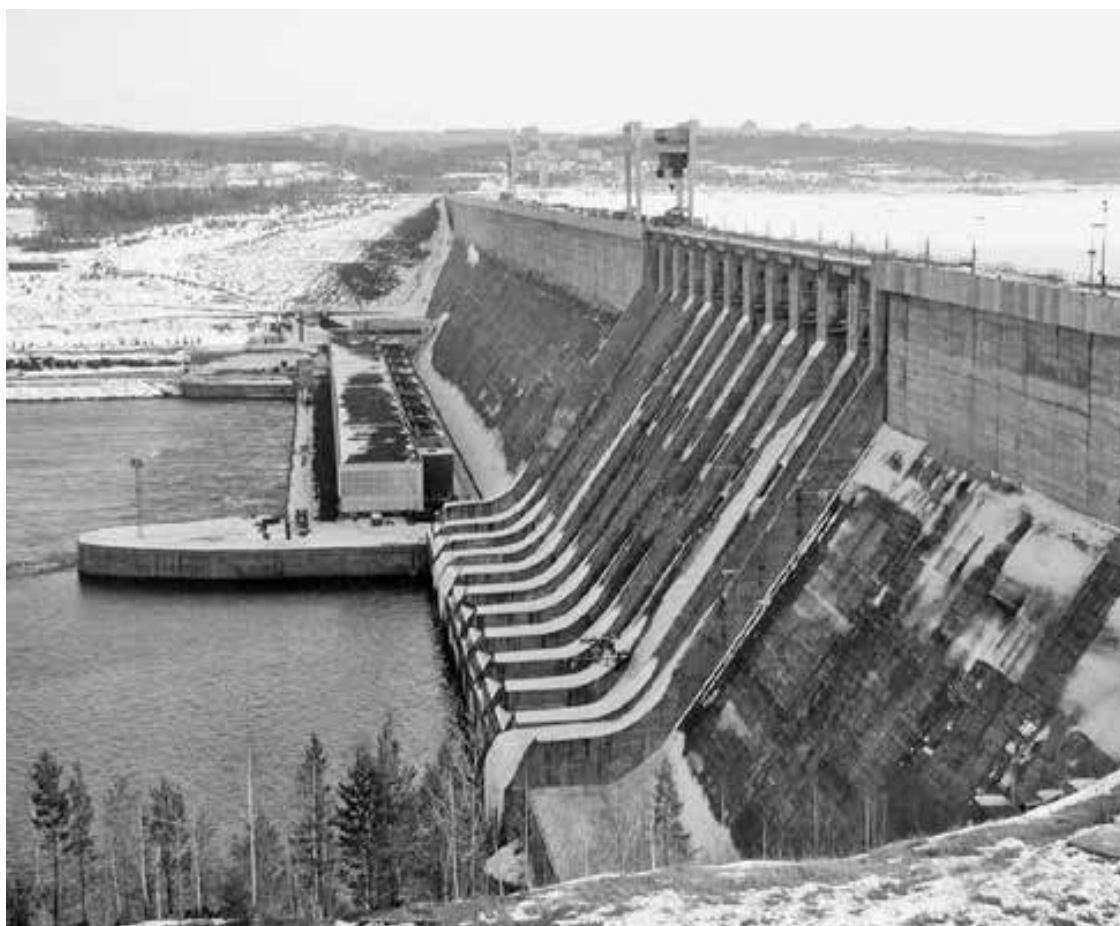
Мы облетели плотину несколько раз. Снимали ее с большой высоты и с малой, видели и при солнце, и в белом тумане косо летящего снега. Глядя сейчас на снимок, можно представить, сколько всего вобрала в себя эта постройка, третья по счету на Ангаре. На каком-то масштабном рисунке я видел плотину и рядом – ленинградский Исаакиевский собор. Известный храм – строение немалое, но у плотины он выглядел, как шкатулка в соседстве с тяжелым резным сундуком.

Плотина – сооружение особое. Любое другое строительство – езда на спокойной лошади: выбирай верно путь, будь терпелив, настойчив и цели достигнешь. Строитель плотины всегда подобен всаднику, вскочившему на коня необъезженного: в любой момент может сбросить. У Ангары нрав особо крутой, надеть хомут на нее очень непросто, и потому опыт строителей здешних плотин во всем мире внимательно изучают.

Качество... Симпатичный пятигранный знак, означающий: «изделие без дефектов», тут вызывал бы улыбку. Качество у этого рода построек – понятие само собой разумеющееся, ибо инспектор суров и пощады не знает – сама Ангара. Верблюду в игольное ушко пролезть невозможно, но река, если такое ушко находит, сделает свое дело. История знает немало плотин, поверженных силой воды. Представляете меру ответственности тех, кто рассчитывал эту постройку на листах ватмана, и тех, кто клал в нее ковш за ковшом бетон на морозе, при котором «птицы на ветках мерзли, а металл временами становился, как стекло, хрупким»?

Все тут было как на войне, как при штурме больших крепостей. И союзников человеку этот край не припас. Летом – мошка, зимой – мороз, необжитые расстояния, глухомань – все было против людей. И все же вот она, плотина. Стоит, подпирает спиной стену воды, прочная (с расчетом выдержать десятибалльное землетрясение), работающая, красивая.

Старший брат у этой постройки – Братск. Весь опыт, накопленный выше по Ангаре, сюда направляли без промедления. Ангару у Толстого Мыса одолели «с ходу, с разгону и малой кровью». А все, что накоплено здесь, – механизмы, сила и опыт пошли теперь дальше. Хорошие вести идут уже с плацдарма у Козинской заимки. Там, ниже по Ангаре, готовится новое наступление, по силе равное Братскому и этому Усть-Илимскому.

Плотина Усть-Илимской ГЭС.

Однако и тут, у Толстого Мыса, горячие дни не окончились. Мне даже сказали: «Наоборот, только все разворачивается».

Плотина, строительству которой подчинена была вся жизнь Усть-Илимска, сама теперь эту жизнь направляет. Пятнадцать турбин, вращаемых Ангарой, дают половодье энергии. И тут (на базе: лес – электричество) возводятся предприятия, равных которым, кажется, не было в нашей стране. Коротко стройка означает буквами ЛПК (Лесопромышленный комплекс. Главный конечный продукт – целлюлоза).

О ней уже многое известно. Я тоже о ней слышал. Но только поездив на «газике» по огромной строительной площади и увидев ее с вертолета, представляешь реально размеры встающего предприятия. Непосвященному человеку невозможно сейчас разобраться в кажущемся хаосе труб, корпусов, путепроводов, складов, дорог, траншей, огромных емкостей и гигантских металлических ферм. Специалистам тоже многое тут в новинку. «Плотина теперь мне кажется делом простым и понятным – одна единая строчка, а тут огромный кроссворд», – сказал молодой инженер, с которым мы облетали площадку.

Однако все идет тут по плану. У стройки уже появляются зримые контуры. В день полтора миллиона рублей – таков объем освоения средств. Кто знаком с экономикой, сразу поймет и накал, и масштабы идущих рядом с плотиной работ... Одновременно на берегу, у плотины, с таким же размахом строится город, в котором поселятся те, кто будет варить из таежной сосны целлюлозу.

Так обживается Ангара. Жизнь прирастает в этом краю плотинами, корпусами заводов, дорогами и домами. Но главное, чем согреваются здешние земли, – тепло очага. Свет в окнах и

гомон детей – вот что радует больше всего в местах, где недавно следы оставляли лишь птицы и звери.

Край этот слабых не любит. Но сильному он покоряется.

Старожилы

Большому сражению предшествует тщательная разведка. Так же было и тут. В 1961 году в Невоне я встретил гидрологов, живших «в глубоком тылу Ангары» уже более пяти лет. Среди них молодые муж и жена Добрусенки, которых, помню, снимал у реки, у которых одалживал полушубок для поездки на лошади к Толстому Мысу, пил у них чай и ел осетра. Кусок осетра для ухи при мне отпилили ножовкой от громадной мороженой туши. Были еще помидоры – и отнюдь не болгарского производства, а выращенные здесь, в огороде у Ангары.

А что если вдруг гидрологи не уехали и живут по-прежнему тут? Без всякой надежды взялся я наводить справки и – чудо – на самый первый вопрос услышал:

– Добрусенки?.. Вот вам их телефон.

Звоню.

– Не помнят ли добрые люди фотографа, который семнадцать лет назад...

Они помнили. «Приходите скорей, будем вместе смотреть «Тихий Дон».

И вот мы опять за столом. Опять – рыба (на этот раз океанская), чай, пироги и – чего не было в Невоне, о чем даже и не мечтали тогда – телевизор.

От разговора о жизни Григория и Аксиньи на далеком отсюда Дону мы легко перешли к Ангаре, ко всему, что и тут прошумело и утекло. Вспоминаем до полночи. На другой день – продолжение «Тихого Дона» и опять разговор. Давние мои друзья вспоминают не для меня даже – самым интересно прокрутить ленту жизни.

– Все, как в кино, промелькнуло, а ведь двадцать три года пьем воду из Ангары.

– Вот тут, где наш дом, был глухариный ток, где сейчас стадион – было овсяное поле, осенью гуси садились...

– Осетры хорошо ловились как раз против мыса. Ивановна у меня – рыболов...

Моих друзей зовут Лидия Ивановна и Александр Васильевич. Друг друга они называют Ивановна и Василич.

* * *

Оба родились в теплом краю, в Майкопе. Жили на одной улице. В один год окончили школу. Вместе начали работать. А поженившись, решили испытать семейную лодку тут, в необжитых местах. (Василич: «Никто не неволил. Сами решили: начнем все с нуля...»)

В Братске в год их приезда горели костры и жизнь начиналась с палаток. Там проходила линия фронта на Ангаре. Их же послали в тылы, дальше за линию – готовить новое наступление. И они согласились. (Ивановна: «Молоды были – все нипочем».)

Добрусенки – Лидия Ивановна и Александр Васильевич.

В Невон с тяжелым сундуком снаряжения трехместный По-2 взять их не мог. Поплыли на барже и на лодке дальним кружным путем по Илим и Ангаре. Плыли долго, полагаясь лишь на течение и рулевое весло. Баржа везла в какой-то колхоз новый комбайн «Сталинец». (Ивановна: «Возле комбайна мы, как цыгане, и сидели со своим сундуком».)

После кавказских бурливых речек Илим показался тихим и ласковым. По берегам проплывали редкие деревеньки. Дома были черные, без единого деревца. Лишь яркие белые ставни на окнах заставляли подумать: о красоте человек и тут не забыл. (Василич: «В Сибири с лесом всегда боролись. Лес был повсюду. И, конечно, никому в голову не приходило сажать деревья возле домов».)

Баржа с комбайном достигла цели. Пассажирам-гидрологам надо было искать новый попутный транспорт. И он нашелся. Их взяли в большую смоленую лодку, снаряженную за припасами на Ангаре. В лодку сели: старик рулевой, шесть гребцов (по трое на весло), под уздцы спустили в нее еще и трех лошадей.

Это был старый испытанный способ доставлять груз водою. По течению лодка плыла своим ходом, а на обратном пути выводили на берег лошадей, и они не спеша, на веревках тянули посуду. (Василич: «Называлось это – идти бечевой. Тропа вдоль берега – бечевик».)

С «мотором» в три лошадиные силы много не увезешь. Возили лишь самое необходимое: дробь, порох, соль, керосин, спички и сахар, ткани, железо для кузниц и почту. Все остальное в деревнях по традиции добывалось на месте. Люди, тут жившие, были одновременно хлебопашцами, рыболовами и охотниками.

Несколько дней смоленая лодка плыла по Илим и Ангаре. Для ночлега искали пологий «привальный» берег. Выводили из лодки пастись лошадей, зажигали костер, ловили на ужин рыбу. (Ивановна: «На блесну из металлической ложки таймень попадался на третьем-четвертом забросе».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.